

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ СТРАХОВ И ФОБИЙ В ДИСКУРСАХ РЕГИОНАЛЬНЫХ СМИ: К МЕТОДОЛОГИИ ВОПРОСА*

Исследуются механизмы внедрения массмедиа в сознание населения региона с повышенными социогенными и техногенными рисками негативно-деструктивных настроений и ценностей. Цель статьи — обосновать концепт-анализ в качестве релевантной методики изучения концептуализации в дискурсах региональных медиа страхов и фобий, позволяющей, во-первых, выявить приоритетные ценностные смыслы тревожно-фобического информационного поля, во-вторых, установить когнитивные стратегии концептуализации страхов и фобий в дискурсах типологически разнородных региональных СМИ.

Ключевые слова: региональные СМИ; дискурсивные практики; негативно-деструктивные ценности; страхи; фобии; концепт; ценностные смыслы

Локальные массмедиа являются, с одной стороны, важнейшим социально организуемым, социально регулирующим, политико-коммуницирующим, культуроформирующим, локально-идентифицирующим инструментом, с другой стороны, имиджеобразующим [Бурова; Волгина, Амиров; Ильина, Каблуков; Кадачигова; Кирьяшина; Лободенко; Олешко В. Ф., Олешко Е. В.; Соломин; Чемякин; Чепкина; Шаромов]. Иными словами, региональные СМИ могут конструировать в сознании массовой аудитории как позитивный образ региона, так и негативный. Характер этого образа будет зависеть как минимум от двух факторов:

— типологических характеристик регионального СМИ (учредитель; целевая аудитория; целевое назначение и характер информации; качество контента; информационная политика);

— социальных, экономических, политико-административных, социокультурных, правовых, экологических, этнических и иных характеристик самого регионального субъекта [Городилов, Козлов; Регионоведение].

Челябинская область относится к поликультурным регионам с повышенными социогенными и техногенными рисками. Во-первых, на ее территории расположено много промышленных предприятий, использующих опасные для окружающей среды и здоровья населения технологии. Во-вторых, наблюдается усиление социально-экономического напряжения: а) обостряется проблема

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Челябинской области в рамках научного проекта № 20-412-740009.

Funding: The research was funded by RFBR and Chelyabinsk Region, project number 20-412-740009.

АНТРОПОВА Вера Владимировна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций Челябинского государственного университета, ORCID: 0000-0003-3421-9978 (e-mail: ava45@yandex.ru).

© Антропова В. В., 2021

моногородов (градообразующее предприятие сворачивает мощности или вовсе прекращает работу, исчезает единственный источник дохода населения); б) вследствие непродуманных реформ здравоохранения жители малых городов и сельских поселений остаются без доступной медицинской помощи; в) отсутствует четко выстроенная политика государственной поддержки фермерства, уменьшается доходность сельского труда; г) вследствие перечисленных социогенных факторов наблюдается миграция населения из региона либо в столичные мегаполисы (Москву, Санкт-Петербург), либо в регионы с менее развитой промышленностью, но с более благоприятным для сельского хозяйства климатом (в южные регионы России) или, напротив, с более развитой промышленностью и высоким уровнем занятости населения и доходов (например, в Тюменскую область). Техногенные и социогенные риски обуславливают возникновение и эскалацию страхов и фобий у населения поликультурного региона. Поликультурность — качество структурированного множества культур как ценностно-ментальных парадигм/матриц — предполагает социокультурную гетерогенность регионального пространства, в котором функционируют различные массмедиа со своими особыми, уникальными ценностными установками и коммуникативно-когнитивными способами их интеграции в массовое сознание.

И хотя тезис об экономической, социальной, идеологической угрозах независимости локальной прессы и локальной журналистики в целом [Тулупов, с. 83] не теряет своей актуальности, однако необходимо отметить (с известной долей условности), что Челябинская область характеризуется плюралистической медиасистемой: в нее входят как проправительственные СМИ, так и те, которые считают себя независимыми, стремятся сохранить объективность и беспристрастность. Для анализа были выбраны четыре сетевых издания (у некоторых из них есть бумажные версии):

1) «Южноуральская панорама» — региональная общественно-политическая газета (также есть рубрики «Культура», «Общество», «Спорт»), являющаяся официальным печатным органом областного правительства (учредитель — Правительство и Законодательное собрание Челябинской области);

2) «Вечерний Челябинск» — городская газета универсально-тематической направленности (выходит с 1968 г.), публикует новости как города, так и всего региона, считает себя политически независимым изданием, однако есть рубрика «Официально» (учредитель — Муниципальное автономное учреждение «Информационная группа “Вечерний Челябинск”»);

3) «Деловой квартал-Челябинск» — газета, позиционирует себя как независимое деловое СМИ Челябинска, публикует не только локальные новости бизнеса, политики, но и федеральные, свою миссию видит в продвижении отечественного бизнеса и отстаивании интересов предпринимательского класса, существует за счет рекламы, поддерживая имиджевую, репутационную, сбытовую концепции рекламы;

4) «74.ru» — информационный портал города и области (является подразделением российской сети городских сайтов Region), публикует экономические, социальные и политические новости, также предоставляет справочно-потребительскую

и развлекательную информацию, считает себя независимым медиа, отстаивающим интересы рядовых горожан, и интерактивной площадкой онлайн-дискуссий между представителями власти и жителями региона (предусмотрена рубрика «Форум»).

Можно предположить, что различные типы СМИ специфическим образом конструируют дискурсивную картину мира адресата, формируя в его сознании определенные установки, в том числе страхи и фобии.

В качестве предмета исследования выступают дискурсы типологически разнородных СМИ Челябинской области, в качестве объекта — концепты, репрезентирующие страхи и фобии в дискурсах и отражающие ценностно-смысловые доминанты тревожно-фобического информационного поля.

Задачи исследования: 1) выявить приоритетные ценностные смыслы тревожно-фобического информационного поля в дискурсах различных медиа, иными словами, ранжировать (в силу дискурсивных конвенций СМИ) их по значимости, важности в рамках аксиосферы жителей региона (например, причины возникновения страхов и фобий; динамика их развития; субъекты переживаний; объекты угроз; интенсивность и формы переживаний: тревога, беспокойство, обоснованные и вымышленные страхи, панические атаки, запугивание населения и т. д.; методы купирования страхов; меры противодействия, предлагаемые местными властями, и т. д.); 2) определить специфические для дискурсивных практик когнитивные стратегии концептуализации страхов и фобий, которые будут установлены в результате сравнения узуальных моделей заявленных концептов с дискурсивными и фиксации их различий. Эти различия будут иллюстрировать когнитивные установки концептуализации ценностной реальности, свойственные тому или иному дискурсу.

Материалом исследования послужили все текстовые фрагменты обозначенных массмедиа за 2020 г., собранные методом сплошной выборки, репрезентирующие два концепта: «страх» и «фобия».

Важным моментом исследования становится вопрос о релевантной методике изучения ценностно-деструктивного контента региональных медиатекстов. Данная методика должна обеспечить не просто количественный анализ текстовых массивов с целью последующей содержательной интерпретации выявленных числовых закономерностей (такой «горизонтальный срез» ментальности обеспечивает известный в теории массовых коммуникаций метод контент-анализа [Пашинян, с. 13]), а комплексный анализ количественных показателей употребления слов, маркирующих ценности, и качественные, т. е. содержательные, параметры изучаемых ценностей. Поэтому мы обращаемся к методике контент-анализа, которая позволяет исследовать ценности не только в «горизонтально»/«плоскостном» измерении, но и «горизонтально-вертикальном»/«объемном», поскольку главным методологическим инструментом является концепт — единица ментальности, имеющая полевую, ядерно-периферийную (иерархически организованную) смысловую структуру [Попова, Стернин]. Смыслы/признаки/элементы/смысловые кванты располагаются в пределах концептуального поля в зависимости от того, насколько сильна их семантическая связь с именем концепта.

Сама же процедура концепт-анализа предполагает три этапа:

1) построение общеязыковых, ценностно-нормативных моделей исследуемых концептов, реконструированных на базе лексикографических источников, отражающих обыденное/усредненное сознание, наивную картину мира, «своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка» [Апресян, с. 350]. Если рассматриваемые концепты к тому же представляют собой сложные научные понятия, закономерно обращение к научно-исследовательской литературе, которая поможет классифицировать данные явления с точки зрения определенных категоризирующих оснований/параметров/критериев — таким образом, наивная картина мира может дополняться элементами научной;

2) построение дискурсивных моделей, которые в силу дискурсивных правил, конвенций, договоренностей будут отклоняться от «нормы», транслировать и формировать ту картину мира, которая определяется информационной политикой изданий региона;

3) сравнение узуальных и дискурсивных моделей и фиксация реструктуризации, изменения дискурсивных концептов (актуализация определенных смысловых элементов концептуальной структуры; привнесение новых компонентов и, напротив, исчезновение традиционных, привычных; изменение соотношения ценностных смыслов и т. д.), а также осмысление трансформационных ценностно-смысловых процессов на уровне выделения определенных преобразующих когнитивных стратегий/схем, характерных для того или иного издания.

В данной статье, посвященной разработке методологии изучения деструктивно-ценностного контента, мы ограничимся лишь первым этапом — реконструкцией узуальных, нормативно-ценностных моделей концептов «страх» и «фобия», которые в дальнейшем станут отправной точкой изучения ценностно-смысловых изменений в дискурсах региональных СМИ.

Итак, вербализаторами первого ментального конструкта — «страх» — стали слова с чередующимися корнями *-страх-/-страш-/-стращ-*, *-тревог-/-тревож-*, *-(бес)поко-/--(бес)покој-*, *-бо-/--бој-*: *страх, страхи, страшить, страшиться, страшно, страшный, стращать, страшилка, страховать, страховатьсь, застраховать, застраховаться, перестраховать, перестраховаться, перестраховка, перестраховщик, перестраховщица, страхование, страховидный, страховка, страховочный, страховщик, страхолюдный, страшила, страшилище, тревога, тревожить, тревожиться, тревожно, тревожный, треволение, беспокойство, беспокойный, беспокоиться, беспокоить, боязнь, бояться* и их формы.

Общеязыковую модель, основываясь на лексикографических источниках, мы можем описать следующим образом [Горбачевич, Хабло; Русский ассоциативный словарь; Словарь русского языка, т. 4, с. 283; Словарь синонимов русского языка, с. 561; Современный толковый словарь русского языка, с. 802; Тихонов, с. 462]:

— ядерные признаки: «состояние сильной тревоги, беспокойства перед опасностью, бедой, угрозой; боязнь»;

— приядерная часть: 1) «нечто или некто, вызывающие боязнь, тревогу, оцепенение»; 2) «тягостное, мучительное чувство; тяжелое, удручающее впечатление»; «опасение»; «ужас»;

— зона ближней периферии: 1) «сильная степень проявления чего-либо, исключительность»; 2) «связанное с сильнейшими негативными переживаниями» (этот когнитивный признак концептуализируется через мифолого-религиозные метафоры *зверский, чудовищный, дьявольский, чертовский, адский*); 3) «физическое предохранение от возможности несчастного случая, от чего-либо опасного, неприятного, нежелательного, что может нанести вред здоровью или привести к смерти»; 4) «социально-юридическое предохранение от возможности несчастного случая, от чего-либо опасного, неприятного, нежелательного, что может нанести вред здоровью или привести к смерти»; 5) «выплата определенной суммы в случае наступления соответствующего события»; 6) «платеж, взнос за возможность не беспокоиться, не опасаться чего-либо»; 7) «внешнее безобразие, уродливость»; 8) «угрозы, запугивания»; 9) «страсть». Как видно, зона ближней периферии связана с эмоциональной, биологической, социально-экономической, юридической, внешне-эстетической сферами;

— зона дальней периферии: 1) «связанное с инстинктами; то, что не поддается рациональному объяснению» (*безотчетный, неосознанный, беспричинный, беспредметный, бессознательный, биологический, инстинктивный, неизъяснимый, подсознательный*); 2) «связанное с физическим дискомфортом» (*боль, болезненный, стоматолог, перед огнем, гримаса, ледяной, липкий, холодный, холодящий, цепенящий, душный, тошный*); 3) «связанное с психологическим дискомфортом» (*истерия, депрессия*); 4) «связанное с социальными отношениями» (*за него, за тебя, за родных*); 5) «различные реальные или потенциальные объекты угроз» (*высота, темнота, к сессии, много гаишников, перед милицией*).

Второй концепт — «фобия» — объективируют слова с корнями *-фобий-, -фоб-, -паник-/ -панич-* (лексемы *фобия*, первая часть + *фобия*, первая часть + *фоб, фобический, паника, панический, паниковать* и т. д.).

Переходя к модели второго концепта, необходимо сделать одно предварительное замечание. Поскольку в ассоциативном словаре и словаре эпитетов слово «фобия» не зафиксировано, то в целях реконструкции периферийной зоны концепта был проведен опрос, в котором принял участие 51 человек (респондентами оказались студенты всех курсов факультета журналистики ЧелГУ). От ассоциативных словарей типа WordAssociation.RU, «Сеть словесных ассоциаций», OnlineSlovo.ru и подобных мы сознательно отказались, так как в основе подобных проектов лежит программный модуль, анализирующий классические и современные произведения русской и зарубежной литературы, данные уже созданных словарей с использованием принципов системного подхода, но такая информация все же вторична, неуникальна, нам же были важны не «машинные», искусственно созданные, а первичные, непосредственные реакции респондентов на предлагаемое слово-стимул.

Структуру второго концепта — «фобия» — можно представить следующим образом [Словарь русского языка, т. 4, с. 572; Современный толковый словарь русского языка, с. 894]:

— семантический центр: «навязчивое состояние страха у психически больных»;

— околоядерная локация: 1) «нетерпимость, противление чему-либо, ненависть, отвращение»; 2) «паника»; 3) «ужас» 4) «опасность, угроза»;

— ближняя периферия (принимались во внимание наиболее частотные ассоциации): 1) «различные вымышленные объекты угроз» (при этом объектами угроз могут представляться как конкретные, так и абстрактные предметы) (*науки, насекомое, клоун, кровь, лифт, замкнутое пространство, толпа, высота, глубина, авария, темнота, неизвестность, старость, смерть, кладбище*); 2) «связанное с психическими проявлениями фобических расстройств» (*зависимость, переживания, сомнения, депрессия, слабость, пустота, боль, отвращение, истерика, кошмары, нервы на пределе, мания, страдания, мучения*); 3) «связанное с физическими проявлениями фобических расстройств» (*кричать, крик, дрожь, тяжелое дыхание, душье, тошнота, головокружение, слезы*); 4) «связанное с инстинктами; то, что не поддается рациональному объяснению» (*бесконтрольность, неконтролируемая, иррациональность, инстинкт, выдумка*); 5) «связанное с попыткой найти выход из патологической ситуации» (попытка может быть осуществлена на психическом, физическом, медико-терапевтическом уровнях) (*преодоление, бежать, больница, терапия, уколы*); 6) «связанное с попыткой понять причины фобий и природу этих причин» (*детство, детская травма, потеря, одиночество, неуверенность, стресс, психология, психика, чувство*); 7) «связанное с сильнейшими негативными переживаниями» (*отвратительная, мучительная, дикая, нестерпимая, леденящая, сильная, жуткая, душераздирающая, невыносимая, звероподобная, кровожадная*); 8) «связанное с продолжительностью патологического состояния» (*вечная, длительная, постоянная, продолжительная*);

— дальняя периферия (учитывались единичные ассоциации, но повторяющиеся частично друг друга по смыслу): 1) «нечто скрытое, потаенное, что надо обнаружить» (*тайна, тайная, скрываемая, скрытность, скелеты в шкафу, секретная*); 2) «связанное с неискренностью, демонстративностью, театральностью поведения» (*сцена, провокация, привлечение внимания, обман, ложь, модная, популярная, демонстративная*).

Ценностно-смысловые различия двух дублетных концептов заключаются в следующем:

1) понятие «страх» концептуализирует нормальную защитную реакцию на реально или потенциально существующую опасность, угрозу; обязательными признаками в его структуре становятся те, которые выражают идею нормальности этого психического и социального феномена, управляемости страхом/страхами (т. е. они поддаются корректировке, нейтрализации, купированию, активно принимаются различные — социальные, финансово-экономические, политические меры по предупреждению страхов);

2) понятие «фобия» концептуализирует патологическую реакцию на воображаемую опасность, угрозу в виде навязчивых состояний, идей, мыслей; обязательными признаками в его структуре оказываются такие, которые выражают идею ненормальности данного психического и социального феномена; фобиями, как и страхами, можно управлять, но исключительно медико-терапевтическими

способами, при этом их надо еще обнаружить, так как они могут носить скрытый, имплицитный характер.

Переходом от первого этапа концепт-анализа ко второму можно считать отнесение выявленных базовых (т. е. ядерно-приядерных) когнитивных признаков в их дискурсивном воплощении к более крупным ментальным образованиям, классификаторам. Опираясь на типологии страхов и фобий, изложенные в литературе по психологии и психиатрии [Ганзин; Щербатых], мы выделили два вида фобий и три вида страхов:

1) конкретная (специфическая) фобия — навязчивый страх перед конкретными объектами или конкретными социальными ситуациями, которые сразу же вызывают беспокойство и иногда могут привести к приступам паники (соответственно в структуре концепта «фобия» выделяем субконцепт «конкретная фобия» — КФ);

2) социальная фобия — навязчивое социальное тревожное расстройство, беспокойство человека о том, что другие его осуждают, что он может быть социально, финансово неуспешен, несостоятелен (выделяем субконцепт «социальная фобия» — СФ);

3) биологический (природный) страх — состояние, связанное с угрозой жизни человеку, например, с угрозой жизни в условиях пандемии, землетрясения, наводнения, грозы и т. д. (субконцепт «биологический страх» — БС);

4) социальный страх — опасения изменения социального статуса (страх бедности и нищеты, страх перемен, страх публичных выступлений, страх экзамена), социального устройства и социальных отношений (страх беспорядков и хулиганства, преступности, страх социальных контактов, страх ответственности перед кем-то) (субконцепт «социальный страх» — СС);

5) экзистенциальный (внутренний) страх — опасения, которые, как правило, закладываются еще в детстве и преследуют человека в течение всей его сознательной жизни, связаны с проблемами жизни и смерти, самого существования человека (страх перед смертью, перед временем, в частности перед будущим, перед быстротечностью жизни, перед бессмысленностью человеческого существования и т. д.) (субконцепт «экзистенциальный страх» — ЭС).

Сокращенные маркеры фобий (КФ и СФ) и страхов (БС, СС, ЭС) будут проставлены в электронной картотеке массмедийных текстов напротив каждой текстовой единицы. Подобная первичная аналитическая обработка дискурсивного материала в виде таких атрибуций позволит на данном этапе в общих чертах увидеть ценностные приоритеты каждого издания.

В дальнейшем, следуя логике выбранной и обоснованной методике, планируется детальное воссоздание дискурсивных моделей концептов и их сравнение с узуальными, а также их сравнение между собой, что позволит, во-первых, выявить приоритетные смысловые кванты/смыслы/когнитивные признаки, свидетельствующие о ценностных доминантах дискурсивных практик, формирующихся под влиянием типологических характеристик СМИ; во-вторых, понять позицию, определить ценностную матрицу того или иного издания региона с повышенными социогенными и техногенными рисками в отношении страхов и фобий (нейтрально-игнорирующая, панически-купирующая или, напротив,

панически-эскалационная, истерично-нагнетающая, социально-регулирующая, политико-конструктивная и т. п.).

Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного анализа // Избр. тр. Т. 2 : Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995. С. 348–388.

Бурова Ю. Е. Влияние пиар-технологий на формирование образа власти в региональных СМИ : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2013.

Волгина Е. В., Амиров В. М. Потребительская журналистика на региональных информационных порталах // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2013. № 4 (119). С. 52–56.

Ганзин И. В. Исследование распространенности и типологии фобических расстройств // Гуманитарные науки. 2016. № 1. С. 11–19.

Горбачевич К. С., Хабло Е. П. Словарь эпитетов русского литературного языка. Л., 1979. URL: <https://znachenieslova.ru/slovar/epithet/strah> (дата обращения: 09.01.2021).

Городилов А. А., Козлов С. Д. Регионоведение : учеб. пособие. Калининград, 2006.

Ершов Ю. М. Региональное телевидение в российской медиасистеме : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2012.

Ильина О. В., Каблуков Е. В. Практики конструирования региональной идентичности в медиадискурсе Татарстана // Научный диалог. 2020. № 3. С. 52–66. URL: <https://www.nauka-dialog.ru/jour/article/view/6/6>

Кадачигова Д. С. Формирование в СМИ положительного имиджа региона (на примере Камчатского края) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2020.

Кирьяшина М. А. Роль печатных СМИ в создании имиджа регионального политика : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2005.

Лободенко Л. К. Концептуальная модель регионального интернет-СМИ: кросс-коммуникативные аспекты : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2015.

Олешко В. Ф., Олешко Е. В. Коммуникативно-культурная память Югры и проблемы ее межпоколенческой трансляции в цифровую эпоху: филологический аспект // Вестн. угроведения. 2020. Т. 10, № 3. С. 507–516. DOI: <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2020-10-3-507-516>

Пашиных И. А. Контент-анализ как метод исследования: достоинства и ограничения // Научная периодика: проблемы и решения. 2012. № 3 (9). С. 13–18.

Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М., 2007.

Регионоведение : учебник для акад. бакалавриата / под ред. И. Н. Барыгина. М., 2019.

Русский ассоциативный словарь. М., 2002. URL: <http://thesaurus.ru/dict/> (дата обращения: 09.01.2021).

Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1985–1988. Т. 3.

Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1985–1988. Т. 4.

Словарь синонимов русского языка / ИЛИ РАН; под ред. А. П. Евгеньевой. М., 2002.

Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2002.

Соломин В. Е. Роль региональных сетевых СМИ в отражении общественных событий : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2013.

Тихонов А. Н. Новый словообразовательный словарь русского языка для всех, кто хочет быть грамотным. М., 2014.

Тулупов В. В. Региональная журналистика: сегодня и завтра // Вопр. теории и практики журналистики. 2013. № 2. С. 78–92.

Чемякин Ю. В. Региональная пресса как организатор политического диалога (на материале печатных СМИ Свердловской и Челябинской областей) : автореф. дис. ... канд. полит. наук. Екатеринбург, 2003.

Чепкина Э. В. Дискурсивные практики конструирования адресата региональной прессы: национально-гражданская идентичность // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2016. Т. 22, № 4 (156). С. 61–68.

Шаромов А. В. Рекламно-информационное пространство бренда в СМИ (на примере разработки бренда региона) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009.

Щербатых Ю. В. Психология страха. М., 2005.

Статья поступила в редакцию 17.01.2021 г.